Мое вступление на Тару

Открыв глаза, я увидел странный ландшафт. Я знал, что нахожусь на Таре. Я ничуть не сомневался, что пребываю в здравом уме, а также и в том, что все происходит наяву. Я не спал. Мое внутреннее сознание с такой же уверенностью говорило мне, что я на Таре, с какой ваше говорит вам, что вы на Земле. Откуда я знал ее название, мне не ведомо, просто знал.

Я увидел себя на ложе из желтоватой похожей на мох растительности, расстилавшейся вокруг меня на целые километры.

По-видимому, я лежал в глубокой, круглой впадине, через край которой я видел неопределенные очертания низких холмов.

Был полдень. Солнце светило прямо надо мной, и зной его был совершенно невыносим для моего обнаженного тела: он был значительно сильнее, чем бывает в то же время дня где-нибудь в пустыне Земли. Там и сям возвышались небольшие выступы кварцевых скал, сверкавших на солнце, а влево от меня, на расстоянии ста метров, виднелось низкое строение высотой около четырех метров. В поле моего зрения не было видно ни воды, ни какой-либо иной растительности, кроме мха. Я же ощущал жажду и потому решил предпринять разведку.

Когда я вскочил на ноги, Тара преподнесла мне свой первый сюрприз: усилие, которое на Земле лишь поставило бы меня на ноги, подняло меня в воздух на три метра. Я плавно опустился вниз, не испытав ни малейшего потрясения или повреждения. И вот начался процесс моего развития, который даже и тогда казался мне крайне забавным. Я обнаружил, что должен снова учиться ходить, так как мускульные движения, легко и крепко носившие меня на Земле, здесь, проделывали со мной ряд самых неожиданных вещей.

Я пытался двигаться вперед нормальным, достойным мужчины образом, однако все мои попытки в этом направлении не дали ничего, кроме ряда комичных прыжков. Каждый шаг отрывал меня от почвы одновременно обеими ногами и через два или три скачка швырял меня навзничь. Мускулы мои, прекрасно координированные и приспособленные к закону тяготения на Земле, разыгрывали со мной злейшие шутки, когда я впервые попытался вступить в поединок с меньшим тяготением и более низким атмосферным давлением на Таре.

И все же я твердо решил осмотреть окрестности и строение, которое являлось единственным признаком обитаемости этого места. Итак, я ухватился за единственный представлявшийся мне возможным способ передвижения: я решил впасть в детство и пополз на четвереньках. Это мне удалось очень хорошо, и через несколько мгновений я уже добрался до низкой стены, окружавшей интересующее меня здание.

Ближайшая ко мне стена не имела ни окон, ни дверей. Так как высота ее была не более полутора метра, я осторожно поднялся на ноги и заглянул через нее вниз, внутрь строения – и тут моим глазам представилось необычайное, фантастическое зрелище.

Крыша строения была из крепкого стекла, толщиной в 4–5 сантиметров, а под ней лежало несколько сот больших яиц, совершенно круглых и снежно-белых. Почти все яйца были совершенно одинакового размера – двадцать пять сантиметров в диаметре.

Четыре или пять штук из них уже открылись, и причудливо-карикатурные фигурки, сидящие возле них, не позволяли мне довериться своему зрению. Большую часть такой фигурки составляла голова, к которой при помощи длинной шеи присоединялось маленькое слабое тельце с шестью ногами, или, как я узнал позже, с двумя ногами, двумя руками и парой промежуточных конечностей, которые могут быть применяемы и в качестве рук, и в качестве

ног. Глаза посажены по краям головы, немного выше ее центра; они вращались таким образом, что могли быть направлены как вперед, так и назад, причем оба глаза совершенно независимо один от другого. Благодаря чему это уродливое существо могло смотреть в любом направлении или в двух направлениях одновременно, без необходимости поворачивать для этого голову.

Уши, помещающиеся близко над глазами, но несколько более сдвинутые, имеют форму небольших куполообразных щупальцев. Они выдаются над головой примерно на один сантиметр. Нос представляет собой продольную расщелину в центре лица, между ртом и ушами.

Тела их совершенно лишены волос, а кожа имеет светлую, желтовато-зеленую окраску. Как я узнал позднее, у взрослых эта окраска переходит в зелено-оливковый цвет, причем у мужчин она темнее, нежели у женщин. Кроме того, у взрослых голова не так непропорционально велика, как у детей.

Радужная оболочка глаз кроваво-красного цвета, как у альбиносов, а зрачок темный. Глазное яблоко совершенно белое, как и зубы. Последние придают особенно хищное выражение и без того неприятной и страшной физиономии, так как нижние клыки загибаются вверх, переходя в острые концы, оканчивающиеся там, где помещаются глаза у земного существа. Белизна зубов не напоминает слоновую кость – она сверкает, как алебастр. На темном фоне оливковой кожи клыки эти выделяются необычайно резко.

Многие из этих деталей я заметил лишь значительно позже, так как у меня оказалось слишком мало времени для рассматривания обнаруженных мною чудес. Это был как раз момент вылупливания из яиц, и я с большим интересом следил за тем, как маленькие уродцы выползали из своей оболочки. Между тем сзади ко мне приближалась группа взрослых тарианцев.

Бесшумно двигаясь по мягкому мху, покрывавшему всю поверхность Тара, за исключением замерзших областей у полюсов и некоторых обработанных площадей, они с легкостью могли бы схватить меня, но намерения их были значительно более коварными. Бряцанье оружия переднего воина предупредило меня об их приближении.

От такой ничтожной случайности зависела тогда моя жизнь, что я диву даюсь, как мне удалось так легко спастись. Если бы карабин вождя отряда не покачнулся в своих кольцах сбоку от седла и не ударился о конец копья – я бы был уничтожен в мгновение ока, не успев даже ощутить приближение смерти. Но этот легкий звук заставил меня обернуться, и я увидел, что на расстоянии десяти метров от моей груди сверкает острие ужасного копья, полтора метра длиной, с блестящим металлическим наконечником. Передо мной был отряд воинственных всадников, явившихся на защиту маленьких дьяволят, которых я наблюдал.

Какими ничтожными и безобидными показались мне теперь малыши в сравнении с приближавшимися ко мне взрослыми исполинами, воплощением ненависти, мести и смерти. Рост мужчины – буду называть его этим именем – достигал четырех с половиной метров; на Земле он, вероятно, весил бы около двухсот килограммов. Он восседал на своем Росинанте, как мы сидим на лошади, обхватив его корпус своими нижними конечностями, в то время как кисти его двух правых рук были протянуты в стороны для сохранения равновесия, так как животное, на котором он сидел, не имело ни поводьев, ни узд, ни малейшего приспособления для управления.

А чего стоит вид этого животного! Как описать его человеческими словами! Рост его от плеча был не менее трех метров, с каждой стороны его туловища было по четыре ноги; широкий

плоский хвост, более широкий на конце, нежели у корня, во время бега был горизонтально вытянут в воздухе, огромная пасть разверзалась посреди головы, занимая место от носа до длинной, массивной шеи.

Подобно своему господину, животное было совершенно безволосым. Его огромное тело было покрыто кожей темно грифельного цвета, чрезвычайно гладкой и лоснящейся. Живот был белый, а окраска его ног, начиная сверху от темных плеч и бедер цвета сланца, постепенно переходила в ярко-желтый цвет на ступнях. На самих ступнях виднелись как бы огромные подушки и совершенно отсутствовали копыта, или когти, чем также в значительной степени объяснялась бесшумность их приближения. Между прочим, эта особенность, в совокупности с множеством ног, является характерной чертой фауны Тара. Только высший тип человека, а также еще одно животное – единственное млекопитающее на Таре – имеют настоящие ноги. Копытные животные отсутствуют совершенно.

Вслед за передовым демоном тянулось еще девятнадцать, похожих на него во всех отношениях. Но, как я узнал позже, каждый все-таки отличался какими-либо индивидуальными особенностями, среди тарианцев, как и среди нас, не бывает двух совершенно одинаковых существ, хотя все мы отлиты по одной форме.

Картина эта, или вернее, материализованный кошмар, произвела на меня впечатление поражающее и ужасающее.

Я был наг и безоружен и поспешил применить первый, уже открывшийся мне закон природы к единственно возможному разрешению моей непосредственной задачи: стремлению выйти из пределов досягаемости острия нацеленного на меня копья. Для этого я сделал весьма земной, и в то же время сверхчеловеческий прыжок, чтобы достигнуть верхушки тарианского инкубатора, как я определил это строение.

Попытка моя увенчалась успехом, ошеломившим меня не менее, нежели тарианских воинов, так как я почувствовал себя поднятым в воздух на десять метров, а затем отброшенным на тридцать метров в сторону от моих преследователей. Я легко и благополучно опустился на мягкий мох.

Обернувшись, я увидел, что враги мои сгруппировались вдоль другой стены. Некоторые наблюдали за мной с выражением, которое, как я узнал позже, должно было означать удивление, а другие, по-видимому, были совершенно удовлетворены тем, что я не тронул их детенышей.

Они тихо переговаривались между собой, жестикулируя и указывая на меня. Обнаружив, что я не причинил никакого вреда маленьким тарианчикам, а также, заметив, что у меня нет оружия, они стали смотреть на меня менее свирепо, но, как я узнал потом, главную роль в этом сыграла проявленная мною ловкость.

Будучи огромных размеров и обладая крупным костяком, тарианцы отличается мускулатурой, пропорциональной лишь тому закону силы тяжести, с которым ему приходится иметь дело. Поэтому обитатели Тары значительно менее проворны и сильны по отношению к своему весу, нежели люди Земли, и я сомневаюсь, чтобы тарианец, перенесенный на Землю, мог поднять свое тело.

Вот почему моя ловкость показалась на Таре такой же чудесной, какой она показалась бы и на Земле, и желание уничтожить меня уступило желанию захватить меня живым, чтобы продемонстрировать своим соплеменникам.

Отсрочка, обретенная мною благодаря моему неожиданному проворству, дала мне возможность построить план действий на ближайшее будущее, а также ближе ознакомиться с видом воинов, так как до этой минуты рассудок мой не мог отделить этих людей от тех, которые преследовали меня за день до того.

Я заметил, что каждый был вооружен множеством различного оружия, и снабжен огромным копьем, описанным мною выше. Оружие, которое заставило меня обратиться в бегство, окончившееся полетом, оказалось чем-то вроде карабина, которым, как я сразу почувствовал, тарианцы управляли с особой ловкостью.

Это оружие было из белого металла, с рукоятью из дерева, добываемого, как я узнал впоследствии, из очень легковесного и в то же время прочного растения, широко распространенного на Таре и совершенно неизвестного нам, обитателям Земли. Металл, из которого сделан ствол, представлял собой сплав, составленный главным образом из алюминия и стали. Эти металлы тарианцы научились закалять до твердости, значительно превышающей обычную, известную нам твердость стали. Вес оружия относительно невелик. Благодаря мелкокалиберным разрывным снарядам из радия, действие этого карабина всегда смертельно. Кроме того, оно действует на расстоянии, совершенно немыслимом на Земле. Теоретический радиус действия этого карабина равняется четыремстам километрам, но фактическая дальность прицела – восемьсот километров.

Этого, однако, вполне достаточно для того, чтобы преисполнить меня большим уважением к огнестрельному оружию тарианцев.

По-видимому, какая-то телепатическая сила предостерегла меня от попытки бежать при ярком дневном свете от жерл этих двадцати смертоносных машин.

После коротких переговоров тарианцы повернули своих коней и умчались в том же направлении, откуда явились, оставив возле инкубатора лишь одного воина. Отъехав примерно на двести метров, они остановились, и, повернув своих коней в нашу сторону, стали наблюдать за воином, стоявшим у строения.

Это был тот самый, копье которого едва не пронзило меня. По-видимому, это был их вождь, так как, насколько я понял, остальные заняли свою теперешнюю позицию по его приказанию. Когда отряд остановился, он снял свое копье и остальное оружие, и стал оглядывать инкубатор, направляясь ко мне, совершенно обнаженный и невооруженный, как и я, за исключением лишь украшений, сверкающих на его голове, конечностях и на груди.

Приблизившись ко мне на полтора метра, он снял с руки огромный металлический браслет и, держа его на ладони протянутой ко мне руки, обратился ко мне громким, ясным голосом, но на языке, который, само собой разумеется, был мне совершенно непонятен. Затем он остановился, как бы ожидая моего ответа, насторожив свои щупальцеобразные уши и впорив в меня ужасные глаза.

Когда молчание стало тягостным, я со своей стороны решил осмелиться заговорить, так как понял, что он предлагает мне мир. То, что он снял с себя все оружие и удалил весь свой отряд, прежде чем приблизиться ко мне, несомненно, говорило о его миссии мира. Почему бы на Таре это не могло иметь то же значение, что и на Земле?

Приложив руку к сердцу, я низко склонился перед тарианцем и объяснил ему, что, несмотря на то, что я не понимаю его языка, поступки его ясно говорят мне о мире и дружбе, которые в настоящий момент очень дороги моему сердцу. Несомненно, я мог бы с равным успехом молотъ

и совершеннейшую чушь, так как слова мои остались для него непонятными. Он понял лишь поступок, которым я завершил непосредственно свою речь.

Протянув руку, я приблизился к нему, взял браслет с его открытой ладони, и надел себе на руку поверх локтя. Затем я улыбнулся ему и принял выжидательную позу. Его огромный рот расплылся в ответной улыбке, он вложил одну из своих промежуточных рук в мою, мы повернулись и зашагали по направлению к его отряду. В то же время он сделал знак своим подчиненным. Они помчались к нам, но были остановлены его сигналом. По-видимому, он испугался, что я могу опять сделать прыжок, который окончательно унесет меня из поля его зрения.

Он обменялся несколькими словами со своими людьми, знаками попросил меня ехать позади одного из них и затем сел на своего коня. Указанный воин протянул две или три руки, поднял меня с земли и усадил позади себя на лоснящийся круп своего коня, где я кое-как пристроился, держась за ремни и перевязи оружия тарианца.

Затем вся кавалькада повернула и понеслась галопом по направлению к горной цепи, видневшейся вдали.

<http://tl.rulate.ru/book/23550/485857>